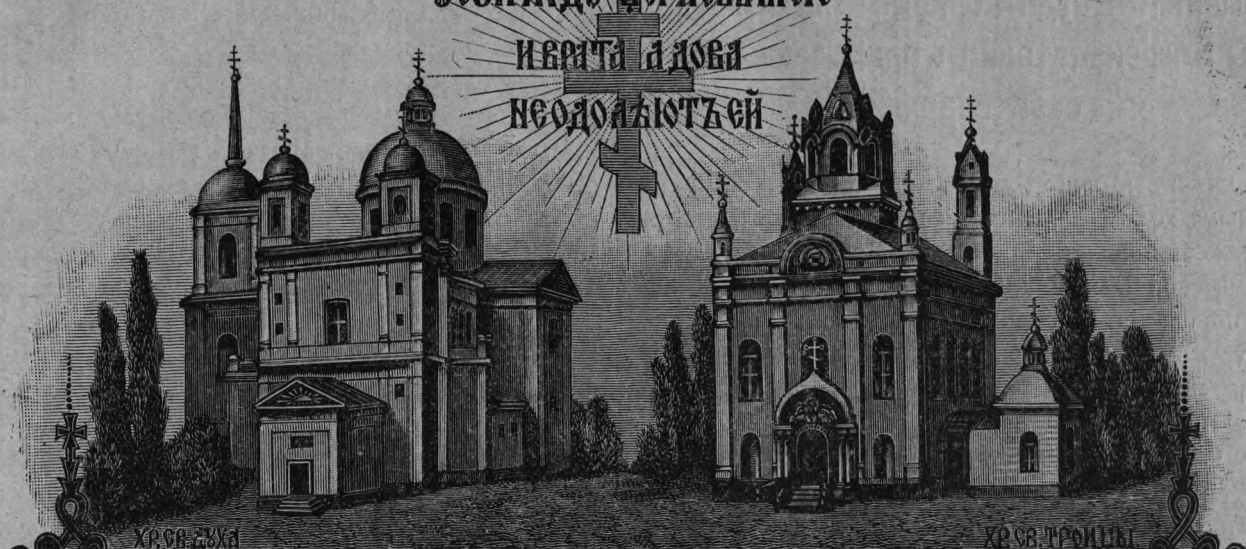

Созидаетъ Церковь свою

и врата ада

неодолятъ ей

ВѢСТНИКЪ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СЪ ДУХОВЕНСКАГО БРАТСТВА

15 Іюня 1916 г.

№ 5.

Двухнедѣльный журналъ религ.-нрав. и церк.-общ. жизни Сѣв.-Зап. края,
съ приложеніемъ „Литов. Епарх. Вѣд.“

Адресъ Редаціи: Москва, Даниловъ монастырь.

Изд. 10 годъ.

С о д е р ж а н і е № 5:

1. Пребываніе Владимірской иконы Богоматери въ приходахъ Литовской епархіи 50
2. Протестанство и нѣмецкая философія. Протоіерей А. Ситкевичъ . . . . . 50—53
3. Отклики на войну. Свящ. Павелъ Янушевичъ . . . . . 53—54
4. По школамъ въ мѣста эвакуаціи. І. Шевалеевскій . . . . . 54—56
5. Епархіальная хроника 56

При семъ № прилагаются «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» № 5-й 1916 года.

Пребываніе Чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери въ приходахъ Литовской епархіи.

27 мая въ Москвѣ состоялось торжественное съ крестнымъ ходомъ перенесеніе изъ Успенскаго собора на Александровскій вокзалъ чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери. Отсюда по Высочайшему повелѣнію Святыня отправлена въ Царскую Ставку, въ сопровожденіи настоятеля Успенскаго Собора, протопресвитера Любимова, протодіакона Розова и главнаго священника арміи.

Попутно св. икона побывала въ нѣкоторыхъ селахъ Литовской епархіи. 4 іюня удостоился особой милости Царицы Небесной Долгиновскій приходъ, уѣзда, Виленской губерніи. Доставлена была сюда св. икона въ часть дня на автомобилѣ. Послѣ торжественной, при колокольномъ звонѣ, встрѣчи икона внесена была въ Церковь и положена на аналоѣ, противъ царскихъ врагъ. Прибывшимъ духовенствомъ, при участіи и мѣстнаго священника Климента Боярчука, былъ совершень молебенъ. О. Протопресвитеромъ передъ молебномъ было сказано слово. Церковь была переполнена молящимися—военными и мѣстными прихожанами, среди которыхъ были и р. католики. Всѣ благоговѣйно молились и приложились къ св. иконѣ. Затѣмъ при колокольномъ звонѣ, святыня была направлена въ мѣста расположенія войскъ.

Того же 4-ю іюня св. икона прослѣдовала чрезъ приходъ, Вилейскаго уѣзда. На одной изъ площадей, между деревнями, въ присутствіи собравшихся войскъ и народа, былъ отслужень предъ иконою молебенъ, послѣ котораго молящіеся прикладывались къ св. иконѣ. Затѣмъ, по обнесеніи вокругъ всѣхъ войскъ, чудотворный образъ изъ предѣловъ прихода выбылъ. На мѣстѣ молебствія сооружень нынѣ крестъ съ соотвѣтствующей на немъ надписью о временномъ пребываніи здѣсь св. иконы.

Чудотворная Владимірская икона Божіей Матери, по преданію, написана св. Евангелистомъ Лукою еще при жизни Богоматери. Принесена она была въ Россію вскорѣ послѣ крещенія Русскаго народа и находилась сначала въ Кіевѣ, потомъ перенесена была во Владиміръ и пребывала здѣсь два столѣтія. Потомъ, явилась и окрѣпла новая собирательница

Руси—Москва; сюда перешла государственная мощь, сюда же перенесена была и Владимірская икона Богоматери. Ближайшимъ къ сему поводомъ послужило страшное нашествіе на Москву татарскаго завоевателя Тамерлана. Полчища его уже стояли при рѣкѣ Окѣ, когда великій князь Василій вышелъ противъ него съ неравными силами. Обратился князь съ усердною молитвою къ небесной Заступницѣ рода христіанскаго предъ принесенною изъ Владиміра иконою Богоматери. Горячо молились предъ нею и всѣ русскіе люди, и чудо совершилось: Небесная Дѣва съ сонмомъ ангеловъ, въ предшествіи грозившихъ своими посохами святителей, въ видѣніи, предстала предъ грознымъ завоевателемъ, и вражескія полчища, уstraшенные, скрылись въ степяхъ.

Съ тѣхъ поръ во всѣ тяжелыя години взоры русскихъ людей обращались съ молитвою къ Богоматери предъ святою ея иконою. Бородинская побѣда была одержана 26 августа, когда совершался крестный ходъ изъ Кремля въ Срѣтенскій монастырь. И наши успѣхи въ Буковинѣ начались на другой день послѣ 21 мая, каковой день посвященъ празднованію въ честь Богоматери, ради Владимірской ея иконы.

Глубоко вѣруя въ предстательство Царицы Небесной и теперь, въ тяжелые дни тевтонскаго нашествія, Москва съ глубокою вѣрою и надеждою проводила на поля битвъ свою великую святыню. За пятьсотъ лѣтъ пребыванія въ Москвѣ св. икона однажды только временно покидала первопрестольную столицу—въ 1812 году, когда ниспровергнуты были гордые замыслы Наполеона. Теперь во второй разъ св. икона изнесена на бранное поле, и уповаютъ православно-русскіе люди, что будетъ и теперь Пресвятая Дѣва взбранной Воеводой нашего христіанскаго воинства и приведетъ его къ побѣдѣ надъ врагомъ.

Протестантство и нѣмецкая философія, какъ источники жестокости и одичалости нѣмецкой культуры.

Большинство русскихъ людей, даже тогда, когда надъ Русью уже нависла темная туча войны, представляли нѣмцевъ людьми культурными, людьми мирнаго труда; ставили ихъ въ примѣръ трудолюбія,

точности и аккуратности въ дѣлѣ. Мы высоко цѣнили нѣмецкую науку, технику, школу, промышленность, торговлю, хозяйство; восхищались и идеями гуманности, идеализма, которыми обвѣянъ геній нѣмецкой философіи и литературы 1-ой половины XIX вѣка. Но подъ обаяніемъ положительныхъ достоинствъ нашего западнаго сосѣда мы не учитывали новыхъ вѣяній времени, не поняли того новаго духа, которымъ прониклась нѣмецкая культура 2-ой половины XIX вѣка и который такъ рѣзко проявился съ началомъ войны. Всѣ эти насилія, издѣвательства и звѣрства, это коварство и нарушеніе общепризнанныхъ нормъ международныхъ отношеній (какъ разстрѣлъ учрежденій Краснаго Креста, или потопленіе парохода-госпиталя)—оказываются не случайными вспышками звѣрскихъ инстинктовъ грубаго воина, нѣтъ,—это плодъ нѣмецкой культуры. Они въ духѣ не однихъ только германскихъ солдатъ, но и офицеровъ, генераловъ, бюргеровъ, ученыхъ, писателей, пасторовъ и женщинъ,—даже тѣхъ изъ нихъ, которыя призваны облегчать страданья больныхъ, какъ сестры милосердія. Бывали случаи, когда нѣмецкія дикарки въ Пруссіи вѣроломно убивали и отравляли нашихъ воиновъ и приканчивали нашихъ раненыхъ ударами кинжала. Этотъ духъ жестокости прививался сознательно, воспитывался нѣмцами въ теченіе полустолѣтія и получилъ философское оправданіе у Ницше, который открыто провозгласилъ для нѣмцевъ новую заповѣдь: «Будьте жестоки!»

Между тѣмъ мы продолжали—съ голоса самихъ нѣмцевъ—считать нѣмецкую культуру вышею въ мірѣ, явно преоцѣнивая ея достоинство. Мы не могли забыть старой Германіи, представительницы моральныхъ силъ, свѣтившей всему человѣчеству свѣтомъ идеала.

Въ то время какъ съ развитіемъ эмпирическихъ наукъ матеріальная сторона жизни развивалась въ Германіи съ замѣчательнымъ успѣхомъ, идеальныя стремленія и моральныя силы уступали мѣсто холодному расчетливому эгоизму индивида. Религія и просвѣтительная сила философіи,—эти двѣ силы, всегда способствующія одухотворенію и возвышенію культуры, пришли въ упадокъ.

Протестантство никогда не отличалось особенною сердечностью. 400 лѣтъ тому назадъ Лютеръ сочинилъ свое христіанство, имѣющее очень мало общаго съ духомъ христіанской любви и добродѣтели. Раціонализмъ въ области религіи повелъ въ лютеранствѣ къ уничтоженію вѣры, какъ живой силы добра, живого движенія сердца, сердечной нѣжно-сти, кротости, состраданія.

Лютеранское ученіе о спасеніи одною вѣрою, по принципу: «я вѣрю въ Спасителя и я спасень», повело къ сердечному квіетизму и погасило пламя нравственнаго подвига и самопожертвованія. Въ практической жизни протестантъ холоднымъ умомъ разсчиталъ свои дѣйствія. Добродѣтель измѣрена, воплощена въ учрежденія,—такъ сказать, изгнана изъ человѣческой души и всецѣло перенесена въ общественный строй, подъ контроль разума.

Молитва—это «пульсъ религіи» (еп. Теофанъ Затворникъ), пламя души. Это по опыту знаетъ всякій православный христіанинъ. Она и въ тиши уединенія и среди обильнаго притока религіозныхъ впечатлѣній, какія получаетъ православный христіанинъ въ храмѣ,—служитъ связью души со Христомъ и христіанизируетъ сердце. Эта сила есть въ Православіи, есть въ католичествѣ. Зайдите въ церковь, или костель, вы увидите тамъ молящихся, увидите колѣнопреклоненныхъ, сосредоточенныхъ въ себѣ,—вы почувствуете, что тутъ есть Богъ,—есть Богъ и въ храмѣ, и въ душахъ человѣческихъ. Ничего подобнаго вы не увидите и не почувствуете въ кирхѣ. Пусто, холодно, сухо; нѣтъ въ людяхъ духа вѣры, устремленія къ Богу, теплой молитвы. Пасторъ, правда, говоритъ проповѣдь. Онъ раскрываетъ обычную житейскую мораль; чувствуется, что рѣчь идетъ не отъ сердца, а отъ практическаго ума. Никакого одушевленія вѣры! Да и какъ ему быть, если многіе германскіе пасторы, не обвиняясь, открыто исповѣдуютъ свое невѣріе въ І. Христа, какъ Бога.

Не удивительно послѣ этого, что нѣмцы потеряли всякую совѣсть, ибо совѣсть жива только Богомъ. Не удивительно, что рука-объ-руку съ безсердечіемъ и жестокостью у нѣмцевъ идутъ и проявленія религіознаго изувѣрства. Извѣстны ихъ издѣвательства надъ православными и католическими святынями. Въ Сувалкахъ полковыя церкви нѣмцами были превращены въ конюшни и мѣста пьяныхъ оргій. Но вотъ еще болѣе поразительный фактъ. Намъ приходилось слышать, что нѣмецкіе воины даже свящ. евхаристическіе сосуды своей нѣмецкой кирхи употребляли въ качествѣ бокаловъ для хмельныхъ напитковъ... Куда же идти дальше въ этомъ направленіи?! Нѣмецкое кощунство превосходитъ Валтасаровское и ожидаетъ своего рокового «мене, текель, пересь».

При такомъ упадкѣ христіанскаго духа въ протестантствѣ, вполне естественно, что руководство нравственною жизнью въ Германіи перешло къ безрелигіозной этикѣ и подъ ея вліяніемъ нѣмецкая душа дошла до глубины одичанія. Безрелигіозная

мораль уже въ ученіи утилитаризма и альтруизма давно понизила нравственныя требованія до уровня обывательскаго обихода. Въ результатѣ же развитія эволюціонныхъ теорій мораль вылилась въ рѣзкой, дикой формѣ ницшеанства.

Ницше, какъ онъ выражается, произвелъ переломену нравственныхъ цѣнностей. Онъ объявилъ себя антихристомъ, отвергъ все то, что до сихъ поръ считалось добромъ въ христіанствѣ и внѣ христіанства. Въ парадоксальныхъ афоризмахъ своего сочиненія «Такъ говоритъ Заратустра» онъ хочетъ поставить человѣка «по ту сторону добра и зла», «выше науки и морали», чтобы онъ могъ сдѣлаться «сверхъ-человѣкомъ». «Человѣкъ,—говоритъ Ницше,—есть нѣчто, что должно превзойти. Всѣ существа до сихъ поръ создавали что-нибудь выше себя... Что такое обезьяна въ отношеніи человѣка? Посмѣшище, позоръ! Тѣмъ самымъ долженъ быть и человѣкъ для «сверхъ-человѣка»: посмѣшищемъ, позоромъ»... Но что же такое «сверхъ-человѣкъ» и каковъ путь къ достиженію этого ницшеанскаго идеала? Въ прямомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Ницше утверждаетъ, что «сверхъ-человѣкъ»—это нѣчто неизвѣстное, неопредѣлимое, это—«иксъ». Это—то, что получится въ результатѣ разрушенія человѣческаго, въ результатѣ борьбы стремленій человѣческой личности, освободившейся отъ нравственныхъ узъ. Переносъ же разсужденія на практическую почву, Ницше указываетъ нѣкоторыя черты, характеризующія его идеалъ съ достаточною опредѣленностью.

Гуманность, состраданіе, самоотверженіе ради ближняго Ницше провозглашаетъ негодною «моралью рабовъ», которая разслабляетъ человѣчество. Отъ всего этого надо освободиться. Истинная мораль, или—по ницшеанской терминологіи—«мораль господъ», это—«мораль силы», «воля къ власти»; она считаетъ добродѣтелью не милосердіе и состраданіе, а жестокость, не любовь, а войну. По Ницше, «для человѣка единственный критерій жизни—самъ онъ и его инстинкты». Что естественно, то и хорошо; что въ жизни одержитъ верхъ, то и есть благо. Тутъ полный просторъ для низменныхъ инстинктовъ, насилія и преступленій. Эти подробности ученія Ницше слишкомъ рѣзки и характерны, чтобы можно было понимать сверхъ-человѣка, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ, въ смыслѣ символа вѣчнаго совершенствованія. Характеръ этого совершенствованія указанъ очень опредѣленно, какъ опредѣленно установлены и отношенія Ницше къ христіанству, демократіи, анархизму и всѣмъ проявленіямъ прогресса. Отвер-

гая христіанскія нравственныя узы для злой воли и инстинктовъ, Ницше отрицаетъ и идеи гуманности и равенства, на которыхъ основываются стремленія социаль-демократіи; всѣ формы демократіи предастъ поруганію. Соціалисты, по Ницше, это представители морали рабовъ. Онъ врагъ всякой культуры и прогресса, которыя уравниваютъ людей на началахъ права и справедливости, ограничиваютъ право сильнаго.

Этотъ культъ силы, аморальный (безнравственный) и безрелигіозный, особенно пришелся по вкусу въ Германіи. Со времени объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, когда она разбогатѣла, стала въ ряду великихъ державъ, подвляніемъ политическихъ удачъ, экономическихъ успѣховъ, а также подв личнымъ вляніемъ «железнаго» человѣка (Бисмарка), въ ней стала развиваться и крѣпнуть идея всемірнаго политическаго господства Германіи при помощи «прусскаго кулака». Девизомъ герм. политики стало: «сила подавляетъ право». Идеологія Бисмарка съ успѣхомъ распространялась среди нѣмцевъ, которыхъ все болѣе и болѣе охватывала манія величія, пренебреженіе къ другимъ народамъ и убѣжденіе, что нѣмцы—высшій изъ народовъ и имъ должно принадлежать господство надъ народами. Такъ идея моральнаго и культурнаго господства уступила мѣсто идеѣ политическаго господства въ самой грубой формѣ. Еще въ то время, когда въ нѣмец. общественномъ сознаніи преобладалъ идеализмъ, Гейне замѣчалъ начатки этой опасности. «Съ безпокойствомъ смотрю я—пишетъ онъ—на прусскаго орла, и въ то время какъ другіе восхищаются тѣмъ, какъ онъ смѣло глядитъ на солнце, я останавливаю свое вниманіе на его когтяхъ». Съ упадкомъ религіи и философской мысли эти «когти» выросли до ужасающихъ размѣровъ. Развитіе милитаризма и военной силы захватило всѣ интересы нѣмцевъ. Протестантство оказалось безсильнымъ смягчить духъ народа, напротивъ, само подчинилось ему. Нѣмецкіе пасторы, къ ихъ позору, отказались высказаться противъ звѣрскаго способа веденія войны. А пасторъ Геймъ съ цинизмомъ пишетъ: «правда, что наши солдаты разстрѣливаютъ всѣхъ франц. и бельгійскихъ бездѣльниковъ-мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора, а также, что нѣмцы разрушали ихъ жилища. Однако всякій, считающій, что это противно христіанскому ученію, лишь доказываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ истинномъ духѣ христіанства»... И это говоритъ христіанскій пасторъ!

Въ философіи духъ жестокаго милитаризма на-шелъ себѣ поддержку и оправданіе.

Но роль антихриста, сознательно принятая на себя Ницше, привела этого несчастнаго философа къ тому, что онъ лишился разсудка. Къ столь же плачевнымъ послѣдствіямъ ведетъ и примѣненіе ницшеанскихъ идей въ жизни человѣчества. Это и показываетъ намъ примѣръ Германіи, ея поведеніе во время войны, въ которой духъ антихриста всецѣло опочилъ на Германіи.

Протоіерей А. Ситкевичъ.

В. Е. Л.

(Въ извлеч.).

Отклики на войну.

Давно русская земля не переживала такого тяжкаго горя, какое переживаетъ нынѣ.

Истомилось русское сердце, изболѣлась душа. Трудно подыскать въ исторіи нашей родины такой моментъ, который былъ-бы похожъ на переживаемый. Думала-ли Россія нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, что ей придется вести гигантскую борьбу съ многомилліоннымъ жестокимъ врагомъ, вооруженнымъ самыми ужасными изобрѣтеніями современной военной техники. Правда, Русь всегда была многострадальной; великія несчастія разнаго рода какъ-бы спорили между собою изъ за права идти на Русь, но все это она мужественно выносила, не измѣнила своему историческому призванію—быть защитницей угнетенныхъ, твердо вѣря, что есть въ мірѣ Божія правда, что въ ней только, въ правдѣ этой, и есть истинный смыслъ жизни.—

Война не пиръ, а ниспосылаемое Богомъ грѣшнымъ людямъ тяжкое испытаніе. И это испытаніе въ большей степени судилъ Господь пережить нашей многострадальной епархіи и паствѣ Литовской, на половину полоненной жестокимъ врагомъ. Печальныя для насъ бывшія военныя неудачи, выразившіяся, въ ряду другихъ бѣдствій, въ занятіи врагомъ значительной по пространству русской территоріи, есть гнѣвъ Божій на насъ за грѣхи и беззаконія наши. Въ сознаниіи своей виновности, мы

все свои заботы и стремленія должны направить къ тому, чтобы постигшія насъ несчастія мужественно побороть, памятуя, что въ тяжкіе переживаемые дни страданій родины нужна самодѣятельность, ибо подъ лежащей каменъ вода не течетъ; что холодъ, сковывающій наши души нынѣ, уступить дыханію весны и солнце разгонитъ мрачныя тучи тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше каждый вѣрный сынъ своего Отечества проявитъ стремленія и заботы принести всяческую помощь Родинѣ въ годину испытанія. И—благодареніе Богу—русское сердце не потеряло вѣры въ Бога и не остается равнодушно—спокойнымъ къ нуждамъ нашихъ дорогихъ близкихъ, кровныхъ, несущихъ подвигъ борьбы за Вѣру, Царя и Отечество. Какъ и вся Россія, Друйская православная паства горячо отзывается на призывъ къ обезпеченію больныхъ и раненыхъ воиновъ и вообще на нужды войны. До эвакуаціи нашей мѣстности помощь эта приносилась въ довольно значительныхъ размѣрахъ и даже заслужила благоволеніе Государыни Императрицы; теперь-же, когда близость врага нарушила правильное, спокойное теченіе нашей жизни и нашей патріотической работы, она нѣсколько сократилась, но, по мѣрѣ возможности, продолжается. Сколько сочувствія, соболѣзнованія, пожеланій успѣха и скорой славной побѣды выражается жертвователемъ—простолудиномъ! Сколько трогательныхъ сценъ при этомъ: «вотъ, батюшка, передай чулочки сердечнымъ солдатикамъ, что за насъ кровь свою проливаютъ», говоритъ дрожащая старушка; «и отъ меня шарфикъ и носки», добавляетъ другая со слезами на глазахъ,—«тепленькія будутъ, пусть солдатикъ сносить на здоровье»... Глядя на эти простыя, откровенныя лица, на эту младенческую безхитрость, тепло и отраднo становится на душѣ. Отъ души, подолгу бесѣдуешь съ этими дѣтьми природы и не чувствуешь усталости отъ ихъ продолжительныхъ разспросовъ про войну, про подвиги полководцевъ, офицеровъ и простыхъ солдатъ, что пишутъ въ газетахъ, телеграммахъ... Слава Богу! Не утратилъ своей отзывчивости русскій народъ на общія народныя бѣдствія; не промѣнялъ на разсудочную холодность запада той черты своей, которая родитъ героевъ. На войну простолудинъ смотритъ, какъ на общее народное дѣло, исполнить которое надо доблестно и усердно. Онъ нимало не сомнѣвается въ нашей побѣдѣ, будетъ говорить и жить ею, хотя-бы для этого потребовали отъ него и еще большихъ жертвъ и лишеній; а ужъ, кажется, какъ велики эти жертвы и лишенія нашего страдальца—пахаря! И ни тѣни ропота при этомъ. Вспо-

минается мнѣ такой случай. Однажды, будучи въ глухой и бѣдной деревнѣ, я зашелъ къ одному скромному старичку, жившему одиноко. Я спросилъ— есть-ли у него родные? «Есть, батюшка, есть; три сына есть: одного убили, одинъ раненъ, а третій на войнѣ». Я хотѣлъ было утѣшить старика въ его горѣ, но, къ моему изумленію, онъ оживился и твердо заговорилъ: «что ты, батюшка, что ты?! сѣтовать и роптать? Сохрани Богъ! Да развѣ это можно? Вѣдь война—это дѣло Божіе,—и не наше, а царское. Государь нашъ Батюшка знаетъ, что дѣлаетъ, и мы должны всѣмъ пожертвовать для Него. Я радуюсь, что моимъ сынкамъ Богъ привелъ послужить Государю и Родинѣ»... Такъ вотъ дѣлать, думалъ я, истинная преданность Царю и Отечеству, вотъ у кого слѣдуетъ поучиться и сознавать, и добросовѣстно исполнять свой долгъ и обязанности,— вотъ гдѣ лежитъ залогъ доблести русскаго народа, вотъ гдѣ кроются его лучшія силы и добрыя сѣмена.—Очень интересуется крестьянскій людъ и не нахвалится героизмомъ священниковъ на войнѣ. Да и чье сердце радостно не дрожить и не отзывается горячимъ сочувствіемъ къ героямъ священникамъ, о которыхъ такъ часто сообщаютъ. Вѣдь эти герои—пастыри родные намъ, собратья наши по духу и по плоти, кость отъ костей нашихъ. Больше нѣтъ той любви, твердо всегда помнить русскій человѣкъ, какъ если положить душу свою за самое дорогое, что у насъ есть: за вѣру православную—христіанскую, за Царя русскаго—Отца земли нашей, и перваго самага неутомимаго Труженика на общее благо и за всю землю, за отечество наше русское. Внушая идеи самопожертвованія своимъ духовнымъ чадамъ, православный пастырь являетъ наглядный примѣръ того, какъ надо полагать душу свою за Вѣру, Царя и Отечество. Геройскими подвигами пастырей блещутъ страницы исторій многихъ русскихъ войнъ, не говоря о переживаемой. Въ строю русскихъ войскъ, что ни солдатъ,—то герой. То-же и въ ряду военнаго духовенства. Подвиги этихъ военныхъ русскихъ батюшекъ указываютъ на то, чѣмъ въ глубинѣ своего духа живетъ наше скромное, обездоленное духовенство, чѣмъ питается его духъ и какія сокровища возвращаетъ оно въ себѣ, хранить въ святая святыхъ сердца и на полѣ брани передаетъ ихъ воину среди грохота орудій, свиста и треска снарядовъ, среди стоновъ раненыхъ и умирающихъ. Пастырь поднимаетъ упдающій духъ воина, святымъ крестомъ изгоняетъ страхъ изъ сердца солдата и вливаетъ въ него новую силу, успокаиваетъ взволнованную смертельно раненаго, облегчаетъ ему

переходъ въ загробную жизнь и, наконецъ, благодатнымъ таинствомъ улаживаетъ и дѣлаетъ блаженными его послѣднія минуты. Вотъ почему русскій воинъ и русскій вѣрующій народъ чтитъ православнаго пастыря, вѣритъ ему; вѣритъ потому, что служитель алтаря всѣ свои помыслы направляетъ къ тому, какъ-бы побольше сдѣлать возможнаго для счастья и славы дорогой родины; онъ молится о ней Отцу Небесному и къ теплой молитвѣ возбуждаетъ сердца другихъ; онъ вселяетъ непоколебимую вѣру, что Міроправящій Промыслъ Божій выведетъ Русь святую изъ лютой военной грозы. Окаянный врагъ, злой духъ смуты и кровавой борьбы отойдетъ отъ насъ, сгинетъ, отойдетъ, посрамленный, ибо вмѣсто желанной ему гибели Россіи увидитъ ее въ новой славѣ и могуществѣ. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»; вѣримъ, поэтому, что за годиною ненастья, съ помощію Божіей, настанетъ и великое ведро земли русской, послѣ заслуженнаго нашими общими грѣхами множества тяжелыхъ испытаній, мы дождемся вождельннаго счастья и покоя!

Свящ. Павелъ Янушевичъ.

Гор. Друя, Виленской г.
4-го Іюня 1916 г.

По школамъ въ мѣста эвакуаціи.

(Продолженіе).

Все это я съ удовольствіемъ выслушалъ и вполнѣ понялъ благотворителей. Какъ же липнянскому крестьянству не платить школѣ симпатіей, если ученики ея скрасили богослуженіе въ храмѣ стройнымъ хоровымъ пѣніемъ и сдѣлали молитву простой души краше, легче? Музыка вообще, въ частности, церковное пѣніе, освобождаетъ духъ человѣка, предоставляетъ его самому себѣ. Свободный и независимый, стремится онъ въ высь, предоставленный самому себѣ, онъ ищетъ своего Первообраза, всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ гдѣ-то въ невѣдомой дали Его присутствіе и трепещетъ въ экстазѣ близости къ Богу!—Не одна мозолистая рука липнянца

сдѣлала невольный крестъ и не одна душа искренно вздохнула...

Отсюда мы заглянули въ образцовую школу. И здѣсь строитель сообразилъ и сдѣлалъ все замѣчательно хорошо. Школа образцовая—двухклассная; классы большіе, раздѣленные капитальной перегородкой. Стѣны внутри выбѣлены; оконныя рамы выкрашены, двери сдѣланы двойныя, чтобы больше было тепла. Все капитально, прочно, съ расчетомъ на долгіе годы. По срединѣ перегородки—икона, въ углу—книжный шкафчикъ; онъ былъ открытъ, и изъ него виднѣлась «истрепанная наука». Образцовая школа функционировала какъ слѣдуетъ все время закрытія второклассной,—слѣдовательно, во всемъ громадномъ липнянскомъ зданіи былъ занятъ только небольшой уголокъ подъ обычную сельскую школу.

Компанія наша вышла на улицу. Вечеръ совсѣмъ уже вошелъ въ свои права; майскіе жуки летали около молодыхъ березокъ и садились на ихъ свѣжія листья. Солнышко спряталось за горизонтъ и бросало оттуда красноватые прощальные лучи. Чуть замѣтный серпъ луны повисъ надъ селомъ.

Незамѣтно мы подошли къ слесарнѣ: обыкновенное зданіе въ родѣ сарая, очевидно, холодное. На двери виситъ заржавленный замокъ; боковая дверца забита досками. Что тамъ внутри—не видно; не было и ни одного отверстія, въ какое можно было бы заглянуть. Стоить это зданіе много лѣтъ, покосившись на сторону, и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ и порывомъ вѣтра не свалится на землю. Грустно стало... А кузница? Она давно погибла. Можетъ быть время уничтожило ее, а можетъ быть огонь, можетъ быть и растащили по бревнышку—остался небольшой холмикъ, вѣроятно, бывший горнъ и наковальный пень. Торчитъ онъ около холмика, какъ единственный зубъ въ голой челюсти старухи, безсмысленно торчитъ этотъ нѣмой свидѣтель «пылкой юности былой мечты»;—сколько любви было вложено въ великое дѣло умѣнья, сколько ожидалось пользы отъ него, сколько мечталось! А теперь... гдѣ стукъ молота и лязгъ желѣза, гдѣ вздохи кузнечнаго мѣха? Нѣтъ ничего; развѣ хищная ворона сядетъ на этотъ пенекъ и почиститъ свой носъ!

И мнѣ стало еще грустнѣй. Прямо предо мною стоялъ второй чудный корпусъ подъ классы и квартиры учителей—каменный, въ два этажа; онъ тоже пустовалъ... И въ моемъ воображеніи встала аллегорическая фигура всемогущаго знанія. Вотъ она идетъ какъ сказочная красавица и щедрой рукой разсыпаетъ по землѣ дары свои. Хватаетъ ихъ жаждущая

человѣческая мысль. И сталъ силенъ человѣкъ, благодаря мысли, и все покорилося его волѣ: «въ холодной глыбѣ мрамора и краскахъ онъ воплотилъ мечты свои и думы; его рабыня—молнія; ему доступны стали звѣзды золотыя, и онъ ихъ пересчитываетъ такъ же, какъ въ полѣ пастухи свои стада. Какъ смиренный конь, ему покорна буря; осѣдываетъ воздухъ онъ и въ бездны опускается до самой глубины».—Зачѣмъ же ты, человѣкъ, не пустилъ сюда эту благодѣтельную фею, зачѣмъ не расширилъ для нея чертога и не встрѣтилъ ея съ подобающей роскошью, какъ царственную невѣсту. Она несла тебѣ знаніе—силу, она хотѣла украсить вѣнецъ твой драгоценнѣйшимъ изумрудомъ—культурой духа и приблизить тебя къ Вѣчной Истинѣ. Безжалостно ты прогналъ эту чудную красавицу, въ горделивомъ невѣжествѣ не принялъ даровъ ея,—и оставила она домъ твой пустъ—безобразный паукъ свиль у тебя гнѣздо свое, слѣпая сова и хриплый сычъ прилетали къ тебѣ въ гости и устраивали здѣсь свою кровавую тризну. Мракомъ покрылось твое жилище, и плѣсень облегла твою душу!

Супруга старшаго учителя давно уже звала насъ «на вечерній чаекъ». Мы все откладывали—вечеръ былъ такъ хорошъ, что не хотѣлось итти въ душную комнату; я же лично мечталъ только объ отдыхѣ: силы падали, и необходимо было возстановить ихъ. Но все-таки зашли. Было уже темно, горѣла висячая лампа, и квартира учителя казалась уютнѣй. Шумно разсѣлись кругомъ стола, но ни ѣсть, ни пить совершенно не хотѣлось. Настроеніе упало, и ни музыка, ни пѣніе учителя не могли поднять его. Я чувствовалъ, что порчу веселость компаніи и попросилъ уйти. Хозяева любезно разрѣшили и проводили меня до учительской, гдѣ предупредительно была устроена мнѣ моя временная квартирка. Стоялъ въ ней столикъ съ бѣлою скатертью; на немъ былъ букетъ подснежниковъ, первый привѣтъ весны. Во всю другую стѣну—библиотечный шкафъ съ стеклянными раздвижными дверцами; корешки книгъ солидно смотрѣли оттуда—сколько въ нихъ мыслей, результата упорнаго труда человѣка въ борьбѣ съ тьмой и невѣжествомъ. Скоро мои провожатые ушли, и я остался одинъ.

Кончились, наконецъ, всѣ этикетки, и я могъ распорядиться собою, какъ хотѣлъ. Съ удовольствіемъ я освѣжился холодной водой, раздѣлся и легъ въ свѣжую постель. Въ окно смотрѣла ночь; мигали на небѣ звѣздочки. Внизу слышались голоса и стройные аккорды фисъ-гармоніи; ночь доносила ихъ до моего уха—рыдали они и чувство-

валось въ нихъ какая-то нѣжно—элегичная тоска. О чемъ? Сонъ незамѣтно сковывалъ мозгъ и вялая мысль не давала отвѣта... «Ты моя крѣ-ѣ-пость Госпо-о-ди» пѣлъ пріятнымъ баритономъ учитель подь аккомпаниментъ гармоніи—«Ты моя-я-и-сила».... Да.. сила. Сколько силъ открылъ человекъ? Знаніе—тоже сила. Но Ты—сила силъ, Ты—Богъ силъ, источникъ ихъ.. Ты—конечная проблема всей философской мысли, и концы всякихъ знаній должны сойтись въ Тебѣ, Великій Владыка міра!... Помилуй насъ и... весь міръ... благослови... Господи, какъ хорошо.....
Должно быть я скоро заснулъ.

І. Шевалеевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Епархіальная хроника.

13 іюня, съ утреннимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, по окончаніи зимней сессіи Свя-тѣйшаго Синода, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій возвратился изъ Петрограда въ Москву, въ коей имѣлъ временное мѣстопробываніе въ Даниловомъ монастырѣ. На вокзалѣ Владыка встрѣченъ былъ Преосвященнымъ Елевѣеріемъ, Епископомъ Ковенскимъ, членами Литовской Духовной Консисторіи и экономомъ Архіерейскаго Дома, іеромонахомъ Іоною.

Вечеромъ въ тотъ же день Его Высокопреосвященство изволилъ быть въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ поклонился мощамъ св. Виленскихъ мучениковъ и посѣтилъ Преосвященнаго Епископа Елевѣерія.

Освѣдомившись лично о ходѣ дѣлъ въ Духовной Консисторіи и преподавъ потребныя указанія, Владыка рѣшилъ теперь же осуществить свое, неоднократно ранѣе выражавшееся, намѣреніе избрать себѣ мѣстопробываніе среди своей Литовской паствы,

въ коей имѣется свыше 70 приходовъ, частью не занятыхъ непріателемъ, частью очищенныхъ отъ него. Выборъ Владыки остановился на г. Диснѣ, Виленской губ.; тамъ и было подыскано подходящее помѣщеніе.

Въ воскресенье, 19 іюня, Его Высокопреосвященствомъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Епископа Елевѣерія, членовъ Литовской Консисторіи и епарх. наблюдателя церк. школъ Литовской епархіи, въ храмѣ монастыря была совершена Божественная Литургія и послѣ оной—молебенъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ.

21 іюня, въ 7 часовъ вечера, назначенъ былъ Владыкою отъѣздъ изъ Москвы въ г. Дисну. Къ сему часу на Александровскій жел. дор. вокзалъ для проводовъ Владыки прибыли: Преосвященный Ковенскій Елевѣерій, члены и секретарь Консисторіи, Епархіальный наблюдатель церк. школъ, протоіерей І. Дмитріевъ, намѣстникъ Св. Духовскаго монастыря, архимандритъ Анемподистъ и смотритель Виленскаго мужескаго духовнаго училища С. А. Горячко.

Управленіемъ дороги въ распоряженіе Владыки былъ предоставленъ особый вагонъ.

Принявъ благословеніе отъ Владыки и пожелавъ ему благополучно прибыть въ свою епархію и утѣшиться общеніемъ съ радостно ожидающею его паствою, провожавшіе не могли не выразить своего задушевнаго желанія, дабы и имъ скорѣе привелъ Господь быть вблизи своего Архипастыря и съ нимъ вмѣстѣ водвориться опять въ дорогой для всѣхъ нихъ Вильнѣ.

Преосвященный Елевѣерій, Епископъ Ковенскій, по прежнему, остается въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, при чемъ особымъ предложеніемъ на имя Консисторіи Его Высокопреосвященствомъ опредѣленъ кругъ дѣлъ, имѣющихъ, съ отъѣздомъ его въ Дисну, поступать на разсмотрѣніе и рѣшеніе Преосвященнаго Епископа Ковенскаго.

За редактора протоіерей В. Знаменскій.